

ТОМАС
ТОМАСОВ

В СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ

Сборник
историй

12+

Томас Русланович Томасов

В солнечном городе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421472

SelfPub; 2020

Аннотация

Еще не изобрели машину времени и эликсир вечной молодости, но уже написана удивительная книга, которую нельзя читать "залпом", книга, которую можно "назначать" вместо антидепрессантов... капельно... строго дозированно... Истории, живущие "В солнечном городе", пропитаны ярким светом и мягким теплом, и они способны окунуть вас в мир ярких красок, сильных чувств и эмоций, подарить ощущение причастности к происходящему, которое сложно заметить глазами взрослого человека и которое становится бальзамом для души, уставшей от проблем и обыденности...

Содержание

Миллионер	6
Печка	10
Настоящая любовь	15
Печенье «Победа»	27
Большая Медведица	31
Крылья	37
Случайные фрагменты памяти	48
Закон дружбы	53
Суровая любовь	60
Джинсы	67
Урок	73
Быть или не быть	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Томас Томасов

В солнечном городе

Миллионер

– Эх, Томик, Томик, какой же ты богатый человек! Боже мой, Боже мой!

«О чем это она? – от неожиданности мои брови подпрыгивают вверх, изгибаясь дугой. – Хм, наверное, имеет в виду, что я богат детьми. Все-таки мы с женой пятерых родили и воспитываем. Не халам-балам».

– Ты миллионер! – гордо продолжает баба Лиза и я, вслушиваясь в ее необыкновенно радостный голос с приятным кавказским акцентом понимаю, что речь идет не о моей многодетной семье.

Мне повезло приехать в Кабардино-Балкарию всего лишь на сутки и разыскать бабу Лизу. С момента нашей последней встречи, а это было незадолго до моей службы в армии, прошло лет двадцать пять. Я хорошо помню то время, когда баба Лиза и моя родная по отцу бабушка Аза жили в соседних подъездах в Алма-Ате. Они всегда тесно общались друг с другом, словно кровные родственники, хотя степень родства между ними объяснить трудно. Известно, что в суровые послевоенные годы вслед за бабой Азой в Казахстан из Северной Осетии перебралась и младшая Елизавета. Помимо кавказской внешности, эти довольно крупные по размерам женщины имели много схожего: всегда, независимо от темы, вели разговор на повышенных тонах, непринужденно

и очень мило перемешивали русскую и осетинскую речь, а пылкий горский темперамент не оставлял никому и малейшего шанса усомниться в правоте их слов. Так они и шли по жизни вместе, как две сестры, пока на склоне лет Елизавета не переехала вместе с сыном и внучкой на Кавказ, в город Нальчик.

И вот я у бабы Лизы в гостях! Ей уже давно за восемьдесят. Передо мной старушка, чьи рассказы прольют свет на историю моего рода, а это огромная находка! Баба Лиза помнит свое детство, проведенное в городе Орджоникидзе. Она росла и воспитывалась в одном доме с моей бабушкой Азой, где главой многочисленного семейства являлся мой прадед Цориев Аслангери. С ранних лет я слышал немало историй о нем и ярко представлял его себе. И вот сейчас образ моего почитаемого предка вновь ожил в рассказах Елизаветы.

Дедушка Дзухó, как его все называли, имел неоспоримый авторитет и остался человеком-легендой для каждого, кто и сегодня с гордостью носит его фамилию. В суровое военное и послевоенное время Аслангери поднял на ноги не только родных детей, он был великодушен к несметному количеству племянников и прочих родственников. Совершенно необъяснимо, как Дзухо умудрялся ежедневно варить огромную кастрюлю осетинского супа из красной фасоли и кормить, помимо своей семьи, многих нуждающихся в округе. Дедушка был очень трудолюбив. За что бы он ни брался, начинал преуспевать, будь то пасека в деревне, торговая лавка в горо-

де или скупка золота. Советская власть дважды раскулачивала весьма зажиточного гражданина Цориева и переселяла в «места не столь отдаленные».

С нескрываемым удивлением я слушал о предприимчивости Дзухо, сравнивая его с собою и думал: «Ну, какой из меня миллионер, скажешь тоже, баба Лиза!» И тут вдруг бабуля с завидным восторгом поведала мне сенсационную новость:

– Ты настоящий миллионер, потому что твой дед Дзухо накопил много золота, целые слитки. Только так спрятал клад, что его до сих пор не нашли!

Уф, вот оно в чем дело! Я – настоящий миллионер! Хорош миллионер без миллиона! Но от того, как вдохновенно ты это сказала, дорогая Лиза, мне даже на душе легче стало, будто я и правда новоиспеченный обладатель дедовских богатств.

– А что, баб Лиз, никто из родных про клад не знает? – еле сдерживаю добрый смех, рожденный во мне этой потрясающей новостью. – Почему же его до сих пор сыновья и внуки Дзухо не нашли?

– Конечно, все знали. Все понимали, что он где-то в подвале дома, что на улице Ватутина, свое добро припрятал от Советской власти. – Елизавета продолжила, путая мужской и женский род на осетинский манер. – Или она в землю закопала, или в стену замуровала... Везде искали, специальные приборы приносили, ничего не нашли...

Незадолго перед смертью Дзухо парализовало. Сыновья и дочь собрались возле постели смертельно больного отца и тщетно пытались узнать про клад: «Папа, скажи, где находится тайник с золотом?» В ответ безмолвный Дзухо только обронил слезу. Не посчитал он, что дети будут способны распорядиться его богатством достойно. При жизни не сказал и теперь не узнаете.

– Томик, милый, ты должен эти сокровища найти! Смотри, какая большая у тебя семья! Ты же его правнук, настоящий наследник! Найди, Томик, обязательно: они твои!

Какое счастье, что я приехал на Кавказ и смог узнать удивительные истории о моих предках. Я просто таял от удивления, слушая бабу Лизу. Она живой свидетель событий прошлого, мост между поколениями. Мне также удалось увидеть ее повзрослевшую внучку с мужем и сыночком, побывать в гостях у бабы Раи – младшей сестры Елизаветы, рассказать седому Сафарби, мужу Раисы о жизни в Казахстане, съесть небывалое количество осетинских пирогов.

Может поездка и не добавила мне миллионов, но в какой-то момент я почувствовал себя вновь маленьким мальчиком, – тем самым Томиком, беспечным голубоглазым блондином, что вглядывается в зеркало, пытаясь в очередной раз осознать себя осетином.

Печка

Отец присел на низкую табуретку перед печью. Грубыми натруженными пальцами аккуратно промял сигарету, приготовился закурить. Чиркнул спичкой, затянулся и медленно выпустил струйку дыма в приоткрытую топку. Я сидел рядом, наблюдая, то за папой, то за пламенем в печи. «Хороший уголь купили на этот раз, – подумалось мне. – Прекрасно горит!»

Хлопоты вокруг очага – неотъемлемая часть быта. Именно они из года в год создают домашний уют. Но никто в нашей семье не умел затопить печь так быстро и ловко, как отец. Если вдруг папа уезжал зимой в командировку, нас ждало тяжелое испытание. Иногда мне казалось, что печка – это какое-то живое существо, причем очень привередливое. Я, к сожалению, не всегда находил с ней общий язык.

Помню, после армии я устроился работать продавцом на центральном овощном рынке. Домой возвращался поздно вечером, когда от усталости уже валялся с ног, а дома еще ждала печка! Битых два часа возился с ней: почистить, вынести золу, набрать охапку дров и два ведра угля, по-особенному разложить поленья, засыпать через верхнее отверстие уголь в топку и, наконец-то, с помощью старой газеты поджечь. Кажется, все просто! Но не тут-то было! Едва пламя занималось, как тут же неожиданно спадало, и через уз-

кие щели между кольцами плиты начинал валить едкий дым. Уходил целый час, прежде чем капризная печка разгоралась. Но совсем другое дело у отца – он легко и непринужденно добивался от печи ровного и жаркого горения.

Отец стряхнул пепел. Огонек сигареты вновь ярко вспыхнул. Белесые нити дыма закрубились, готовясь расползтись по комнате, но подхваченные тягой из топки, послушно втянулись в печь. Со стороны могло показаться, что папа с помощью сигареты устанавливает незримую связь с пылающим очагом.

– Папа, а где ты научился так искусно топить печь?

– Ну, сынок, я же до двенадцати лет жил в Осетии у дедушки Дзухо. Наблюдал, как он справляется с домашним хозяйством, вот и перенял навык.

Я много раз слышал историю о непростом детстве отца. О том, как перед началом Великой Отечественной войны Аза – единственная дочь уважаемого Дзухо отучилась в техникуме связи. Была она молодой, красивой и завидной осетинской невестой. Но, к всеобщему недоумению, вышла замуж за ингуша Султана. Сложно представить, как могло такое случиться, что представители двух народов, враждующих между собой веками, вдруг создали семью. Никто точно не знал: по любви вышла Аза за Султана или оказалась в роли украденной невесты, но от их союза на свет появился мой папа. Первенца называли привычным как для осетин, так и для ингушей именем Руслан. В феврале 1944 года об-

виненные в неблагонадежности ингуши и чеченцы сотнями тысяч были погружены в теплушки и отправлены в холодный зимний Казахстан. Осетинка Аза попадала под статью, так как состояла в браке с ингушом. Только чудом ей удалось ускользнуть от НКВД. Вместе с трехмесячным малышом она укрылась в родительском доме в Осетии, ведь неизвестно, выжил бы ребенок в нечеловеческих условиях «спецпереселения». Позже Азу осудили на полтора года за нарушение паспортного режима военного времени. Срок она отбывала на Кавказе, затем ее выслали в Казахстан. К сожалению, Азе не суждено было встретиться с мужем Султаном. Воспитание Русланчика легло на плечи дедушки с бабушкой.

– Похоже, ты был хорошим внуком, раз всему научился у деда? – спрашиваю в шутку у отца, не ожидая, что вопрос вызовет у него улыбку.

– Ну, как тебе сказать? – Папа снял с плиты чайник. Плеснул в стакан крепкого черного чая, сделал с наслаждением глоток и принялся делиться воспоминаниями детской поры.

Я вслушивался в его рассказы и представлял, как маленький Русланчик отправился кататься на трамвае – был в их время такой бесплатный «детский аттракцион», когда можно зацепиться за вагон и проехаться по всему городу, если не попадешься. Постовой милиционер (мне он почему-то представлялся в белом кителе со свистком) снял Руслана с трамвая и привел за ухо к бабушке. Но очередное строгое предупреждение от милиционера и наказание от Дзухо, не повлия-

яло на папу, он продолжал шалить. Однажды не на шутку разозлившись на своих родных дядек, он поджог в отместку дом. Пожар, слава Богу, успели потушить, но Русланчику тогда досталось сильно. Слушал я и удивлялся, как после всей этой головной боли, что папа доставлял окружающим, бабушка и дедушка продолжали его любить.

Отец глотнул чая, отставил стакан в сторону, взялся за чергу.

– Видишь, как хорошо и грамотно горит печь? – папа открыл дверцу и не спеша поворошил угли в топке. Отсвет очага заблестел в его глазах. – Вслушайся, как она гудит.

Я порадовался мерному гулу печи и отцовскому умению.

– Помню день, когда дедушка Дзухо печально сказал, что скоро я с теткой Лизой отправляюсь в Казахстан – к маме Азе... – Папа сделал тревожную паузу. – Не знал радоваться мне или печалиться, я ведь в свои двенадцать лет совершенно не помнил мать... Все мои представления о ней связаны с какой-то выцветшей черно-белой фотографией. Но не поехать я не мог...

Отец умолк. Я всмотрелся в его глаза, представляя, как прошла встреча матери с сыном после стольких лет вынужденной разлуки? Как, наверное, непросто оказалось Русланчику шагнуть в неизвестность, оставляя дом заботливого дедушки Дзухо и доброй бабушки Фатимы.

– Ну, все! Горит как надо! – произнес папа, подбрасывая в огонь пару совочков угля. – Тяга хорошая. Учись сынок,

в жизни пригодится, – Его рука потянулась за сигаретой. – Ложись спать. Я покурю и тоже пойду.

Да, век живи – век учись. Сколько всего ты знаешь и умеешь, папа! На твою жизнь, начиная с безрадостного детства, выпало столько трудностей, а сколько ты нам еще не рассказал. Я мечтаю однажды научиться топить печь также искусно, как это делаешь ты!

– Спокойной ночи, пап!

– Спокойной ночи, сынок!

Настоящая любовь

Мама сидела на диване и задумчиво смотрела вдаль. Я лежал рядом, положив голову ей на колени. Она заботливо и нежно поглаживала мои белокурые волосы. Необъяснимое чувство покоя и безмятежности, так необходимое мне – пятилетнему мальчишке, наполняло меня. Это чувство можно смело назвать одним словом – любовь. Для многих из нас слово любовь навсегда связано с образом самого родного человека. Мама – значит любовь. Любовь – так звали мою маму. И она никогда не переставала любить. До последнего вздоха...

– Мама, спой мне песенку про моляка!

– Ну, давай вместе.

Мама запекает с выражением: «Бескозырка белая, в полоску воротник. Пионеры смелые спросили напрямик...» Я с радостью подхватываю: «Какого палень, года, с какого палахода, и на каких молях ты побывал, моляк?» Буква «р» дается мне с трудом. Мама весело смеется и целует меня за старания. Я невероятно счастлив.

– Мама, – решаюсь задать мучивший меня вопрос. – А почему моих друзей зовут Петя, Славик, Мулат, а я Томик?

– Потому что ты Томас! – Ее палец игриво касается кончика моего чуть вздернутого носа.

С трудом размышляю над ее объяснением, оно мне явно не помогает.

– А я лусский? – пристаю к маме.

– Русский, конечно русский! – смеется она.

– А бабуля сказала, что я осетин.

– Ну и осетин тоже!

Мне трудно понять: и русский, и осетин. Но над парадоксом размышляю недолго, во мне вспыхивает новая идея:

– Мама, а мы сегодня пойдем к бабе с дедой?

– Да, они ждут нас на обед, и баба Аза испекла твои любимые пироги.

Я тут же подскакиваю с дивана и замираю по стойке смирно:

– С калтошкой?! Ням-ням! Идем сколее, мама, я плогодолался.

– Да ты ж мой маленький! – изумляется мама. – Неужели никто тебя не кормит?! Ну, пойдем, обувай скорее свои сандалии.

Раз в неделю баба Аза пекла пироги с различной начинкой, а, чтобы угодить моим капризам, стряпала больше всего пирогов с картошкой и ждала меня в гости. Жили они с де-

душкой в том же доме, что и наша семья, только через один подъезд. Поэтому уже через минуту я с шумом спускался по ступенькам вниз, напевая слова любимой «Бескозырки». Во дворе я осмотрелся по сторонам и, оставив маму далеко позади себя, вприпрыжку поскакал по сухому асфальту до бабушкиного подъезда. Наш микрорайон построен недавно, но благодаря быстрорастущим карагачам и тополям стал достаточно тенист, чтобы скрыть от июльского солнца. Вот и знакомый подъезд!

Я взбежал на третий этаж. Перед самой квартирой остановился перевести дыхание. Обычная деревянная дверь, выкрашенная в светло-голубой цвет. До звонка я пока не доставал, пришлось постучать.

– Это кто там пришел? – раздался за дверью ласковый голос бабули. Она всегда угадывала мое появление по стуку и начинала игриво спрашивать: «Где мой мальчик?» Меня это забавляло. Я понимал, что сейчас бабе Азе предстоит долго разбираться со сложной системой дверных замков и многочисленных засовов, поэтому терпеливо ожидал снаружи. Через дверные щели в подъезд проник запах свежее испеченной сдобы – это бабушкины осетинские пироги! Я предвкушал угощение.

– Томик! – обеспокоено позвала мама с лестничной площадки нижнего этажа. – Ты здесь?

Я повернулся на ее голос и радостно отозвался:

– Здесь, мама! Поднимайся быстрее, пироги с калтошкой есть!

Послышались ее мерные шаги по ступенькам. Щелкнул последний засов, и дверь распахнулась. Меня встречал стойкий аромат домашней выпечки и радушные объятия бабушки.

– Томачка, знаешь, что я для тебя приготовила сегодня? – спросила баба Аза и, не дожидаясь ответа, восторженно объявила: – Пирог с мясом!

– Ула! Вкуснятина!

На пороге появилась мама.

– Привет! – добродушно поздоровалась она.

– Ну, здравствуй, здравствуй, – ответила бабушка в свойственной ей манере. Баба Аза – грозная осетинка и не самая приветливая свекровь, поэтому в ее интонациях всегда проскальзывала толика недовольства снохой.

Из кухни с важным видом помощницы выглянула моя старшая сестра Нелли, вся перепачканная мукой. Следом в прихожую вышел и глава семейства – дед Мамикон. У меня с ним особые отношения, к тому же, своим необычным именем я обязан ему.

Дедушка Мамикон по национальности ассириец, родом из Тбилиси, по отчеству «Томасович». Когда я родился, он, ни с кем не советуясь, пришел в роддом. С шампанским, цветами и конфетами, преодолев все кордоны, дедушка ввалился в послеродовую палату в тот момент, когда меня принесли маме для кормления. С шумом свалив подарки на стол, он спросил: «Мальчик?» Смущенная визитом свекра мама утвердительно кивнула. Дед Мамикон поправил за козырек большую кавказскую кепку «аэродром» и громко на всю палату объявил: «Томас!» – это означало, что отныне меня будут звать этим странным заграничным именем.

– Ну что, хохол, пироги есть пришел? – привычно «поддел» меня дед и без малейшего намека на улыбку продолжил с очень серьезным видом. – Давай, иди, ночуй в доме у своей хохлушки!

Дело в том, что моя мама была наполовину украинкой, и дед Мамикон любил меня так дразнить, потому что я, в отличие от сестры, никогда не оставался у них ночевать. Папа часто находился в командировках, и я, ни за какие осетинские деликатесы, не желал расставаться с мамой.

– Иди сюда, хохол, я тебя понюхаю! – добродушно позвал меня дед Мамикон. Я подбежал к нему. Дедушка наклонился и вдохнул запах моих волос, театрально поморщился. – Уф! Опять от тебя русским духом пахнет!

Его заявление удивило меня. Недолго думая, я сорвался с места и побежал в ванную комнату. Подставив голову под струю теплой воды, старательно смываю «русский дух», наскоро вытираюсь полотенцем и возвращаюсь к дедушке.

– Ну-ка, а сейчас?

Дед Мамикон продолжил разыгрывать меня. И после того как я несколько раз сбегал в ванну, чтобы старательно отмыться от запаха, у меня ничего не вышло. Я расстроился. Мама заступилась за меня. Подхватила меня на руки, нежно прижала к себе, безмолвно наградив поцелуем. Мне было достаточно этих мгновений, чтобы ощутить прилив смелости. Я тут же выскользнул из материнских объятий и решительно направился к деду Мамикону. Он уютно устроился на диване, чтобы начать трапезу. Я подошёл к нему, взглянул в глаза и, чеканя слова, язвительно бросил: «Ничего, лусские тоже люди!»

Семья залилась громким смехом. Дед подскочил со своего места, схватил меня обеими руками и крепко сжал, чтобы поцеловать. Его пышные черные кавказские усы ласково щекотали мне шею, вызвав всплеск радости.

Все было готово к обеду. Бабушка вынесла блюдо, накрытое кухонным полотенцем. От запахов, стоящих в доме, уже давно разыгрался аппетит. Раздались вздохи восхищения, когда бабушка, поставив угощение на стол, сняла полотенце. Очередной шедевр от бабы Азы: три пирога с различной начинкой! Свежие, еще пышущие жаром печи пироги, пленили нас. Нельзя было остаться равнодушным при виде коричневой запекшейся корочки. Все дружно налетели на выпечку. В сочетании с домашней сметаной, чуть приправленной солью и чесноком, пироги – ну, просто объедение!

Мне, как положено, достались почти все с картошкой. Ну и, конечно же, пирог с мясом! После пьем ароматный индийский чай, заботливо заваренный бабушкой. Окончен обед. Мама помогает бабушке с посудой. Настает время, когда ей нужно отправиться на работу. Недалеко от нашего дома располагался магазин одежды фирмы «Восход», и мама подрабатывала там – отглаживала мятые рубашки, брюки и прочие вещи, придавая им товарный вид. Нам с сестрой предстояло остаться у бабушки до вечера.

Мы долго играли в дочки-матери. Я был послушной дочкой, а Нелли заботливой мамой. Однако с наступлением вечера на нас навалилась скука. Зная, что из спальни откры-

вается вид на пешеходную дорожку, по которой мама возвращается домой, мы сели с сестренкой у окна и терпеливо ждали самого родного человека на свете. Мама вернется, и мы вместе отправимся домой. Вновь будем петь «бескозырку» или «утро красит нежным светом». Станем укладываться спать. Я услышу ее необычные сказки и расскажу ей в ответ свои. Она покроет меня нежными поцелуями и, утопая в ее неземной любви, я засну до утра глубоким детским сном.

Мой приход в мир – заслуга мамы. Но ей еще предстояла борьба за мою жизнь. В тот день, когда дед Мамикон навестил нас в роддоме, одарил меня прекрасным именем и все вокруг были счастливы, никто еще не догадывался, что маленький Томас имеет редкое врожденное заболевание. Пока врачи смогли диагностировать патологию, чтобы начать лечить, семья пережила тяжелое испытание. Сколько сил и терпения проявила мама, наблюдая, как ее чадо с каждым днем теряет вес, увядает на глазах. Месяц бессонных ночей и не смолкающий в них мой жалобный плач, мама перенесла стойко и безропотно. Вопреки болезни, она твердила мне: «Сынок, ты будешь жить, ты обязательно будешь жить!»

День, когда врачи смогли установить диагноз и назначить срочную операцию на желудок, наступил! Но для мамы это стало новым вызовом, ведь неизвестно каким может оказаться итог? Она дежурила под дверью. И когда невероятно сложная операция осталась позади, и мама смогла прочитать в глазах хирурга добрую весть для себя, она уснула

прямо там, в больничном коридоре. Изможденная и обессиленная, но счастливая и абсолютно уверенная, что «Томик будет жить!»»

Всякий раз я испытываю прилив благодарности в моем сыновьем сердце, когда вспоминаю о той тяжелой борьбе, что велась за мою жизнь. Я знаю, на такой подвиг способна лишь она – Любовь. Настоящая Любовь как моя мама!

Печенье «Победа»

– Вот тебе рубль, сынок, сбегай в магазин и купи хлеба. Он стоит двадцать четыре копейки. Сдачу не потеряй. Это у мамы последние деньги. Папа из командировки приедет только послезавтра.

Мама временно не работала, и вся надежда была только на папу. Вот уже два месяца он непрерывно находился на крупном объекте в Южно-Казахстанской области. Это был очень большой, недавно построенный сельский Дом культуры. Отец помогал деду с художественной росписью потолка. Основной расчет за работу их ждал впереди, когда будет сдан объект, но раз в два-три месяца они получали небольшой аванс, и папа старался приехать на несколько дней домой с деньгами. Поэтому маме частенько приходилось растягивать последние копейки до его приезда.

– Крепко держи, не потеряй! – кричала мама мне вслед, когда я уже пулей неся вниз по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки.

Обожаю лето! Все мои друзья, те, что уже школьники – на каникулах. А я только собираюсь в сентябре пойти в первый класс. Сейчас утро и еще слишком рано для дворовых игр, но чуть погода все ребята выйдут на улицу. Будем гулять до самого обеда. Потом все разбегутся на несколько часов по домам. Покушать. Кого-то родители отправят на сон-час. Да,

но только не меня. Терпеть не могу спать днем. Как будто я какой-то маленький ребенок. Мама, конечно, постарается меня уложить, даже сказку расскажет, но, как обычно, у нее ничего не получится. Ближе к вечеру, когда жара начнет спадать, все мальчишки и девчонки вновь окажутся во дворе. Мы придумаем что-нибудь интересное и заиграемся до самой ночи.

Ну а пока я, крепко сжимая бумажный рубль, вприпрыжку спешу через двор в сторону «хлебного» – так у нас все называли местный магазин. Я знал, что свежеиспеченный хлеб туда привозили ближе к полуночи. Отец часто брал меня в такие поздние прогулки. Мы выходили из дома, брели по пустынным улицам, через ночные дворы к магазину. Еще издали можно было заметить будку ГАЗ-53, от которой на всю округу исходил непередаваемый аромат свежего, еще горячего хлеба. Нам с папой оставалось лишь немного подождать, пока водитель и сторож дружно освободят «хлебовозку». Машина уезжала, отец подходил к окну, по-своему здоровался со сторожем и перекидывался с ним парой фраз, затем вынимал из кармана мелочь и, обжигаящий руки «кирпичик» белого хлеба попадал в нашу авоську. Папа прощался, командовал мне: «птенчик, домой!», и мы возвращались с магазина. Я всегда испытывал удовольствие от поздних прогулок с отцом, но когда он уезжал в командировку, мне приходилось бегать за хлебом по утрам – вот как сегодня.

Магазин уже открыт. У хлебного прилавка довольно много народа. Я встаю последним в очереди, радуясь, что она быстро двигается. В сжатом кулаке заветный рубль. Чтобы не скучать, осматриваюсь по сторонам, ведь в магазине помимо хлеба продают много вкусного. Внезапно обнаруживаю, что хвост очереди, как раз оказался напротив соседнего кондитерского отдела, полного сладостей. Невольно разглядываю глазами ассортимент витрины и натыкаюсь на печенье «Победа». Оно мне страшно нравилось! Если вдруг родители или бабушка покупали этот сорт печенья, то я мог за чашкой чая незаметно поглотить чуть ли не целый килограмм. В отличие от других видов печенья, «Победа» было очень популярно, а потому не залеживалось в магазине.

Очередь продвигалась, а я был не в силах оторвать взгляд от любимого лакомства, испытывая неимоверное желание его отведать. В какой-то момент я не выдержал и ринулся к продавщице кондитерского отдела и протянул ей сложенный вчетверо рубль.

– Печенье «Победа», пожалуйста! – улыбнулся я. – На все!

Продавщица удивленно вздернула брови. Она жила в соседнем доме и знала каждого в лицо, однако расспрашивать и возражать маленькому покупателю не стала. Взяв с прилавка лист упаковочной бумаги, ловко свернула его в большой кулек. Каждый ее жест радовал мою детскую душу. Мерным совочком продавщица наполнила кулек доверху желаемыми сладостями и вручила мне. Трепетно прижав покупку к гру-

ди двумя руками, я побежал домой. Меньше пяти минут – и я звоню в дверь нашей квартиры.

Открывает, конечно же, мама. Ее руки до локтей в мыльной пене. На глазах сбившаяся челка, она пытается ее убрать взмахом головы, ничего не выходит, тогда мама резким выдохом сдувает прядь волос, чтобы рассмотреть меня. Выражение ее лица невольно меняется. Вид озабоченности домашними делами сменяет легкое удивление. Указав на кулек в моих руках, тихо спрашивает:

– Сынок, что это?

Я, абсолютно счастливый смотрю ей прямо в глаза, набираю всей грудью воздух и вдохновенно отвечаю:

– Печенье «Победа»! Мое любимое!

Мама продолжает стоять как вкопанная, а я протискиваюсь мимо нее и уверенно марширую на кухню – пить чай с печеньями! Через несколько минут мама, закончив стирку, выходит из ванной, садится напротив меня. С нежностью наблюдает, как я аппетитно уплетаю купленные сладости. Я слышу, как она очень тихо, почти про себя, повторяет мои слова: «Печенье «Победа»! Мое любимое!»

Большая Медведица

Время летних каникул проходит одинаково беспечно. Так как в школу ходить не нужно, нет домашних заданий, никто не заглядывает в расписание уроков назавтра, то и нет особой разницы в том, какой сегодня на дворе день недели.

Но я любил выходные дни больше будничных, потому что мама не работала и оставалась дома, а значит не нужно целый день находиться под присмотром строгой бабы Азы. Нет, не подумайте, что моя бабушка была злой женщиной. Если бы вы дожили до такого почтенного возраста как она, да еще имели кавказское воспитание, непростую судьбу и представления о жизни, вы бы ничем не отличались от нее.

Когда мы выходили с бабушкой гулять на улицу, я рвался обежать весь двор, заглянуть за его пределы, узнать что-нибудь новенькое. Баба Аза же требовала, чтобы я всегда находился в поле ее зрения, пока она сидит на лавочке у подъезда с соседскими старушками: бабой Соней, с тетей Люсей, с тетей Тоней и совсем уж пожилой Гавриловной. Такая прогулка казалась мне скучноватой, ведь мама и папа уже позволяли мне в этом возрасте больше, чем бабуля. С родителями я чувствовал себя не по годам старше, потому что мама могла мне подсунуть какую-нибудь взрослую книжку, тогда как бабушка даже в подростковом возрасте гнала меня со двора смотреть мультики для дошкольников. Да и разговоры с дет-

ских лет мы с мамой вели совсем другие.

Хорошо помню, как однажды мы задержались допоздна в гостях, и нам пришлось возвращаться домой пешком из соседнего микрорайона. Стоял теплый июльский вечер. Небо усыпано звездами. Изредка дорогу озаряют огни фар, проезжающих автомашин, да снуют прохожие в наступающей темноте. В дворовых палисадниках и в густых зарослях кустарника звенят цикады, перекрикивая друг друга. Но их несмолкающий треск меркнет на фоне голосов детей, играющих в прятки.

– Топор, топор, сиди как вор! – раздался неподалеку от нас чей-то предупреждающий и тревожный голос.

Тишина... Вновь слышны серенады цикад, и внезапно, неожиданно громко и очень возбужденно прозвучал, почти как приказ, голос какого-то мальчишки:

– Пила, пила, лети как стрела!

Из зарослей выскочила худенькая девчонка с косичками и стремительно пронеслась мимо нас, куда-то в центр двора. Слышится радостный галдеж и смех детворы, который прерывают голоса родителей, зовущих детей домой. Который час? Да уже почти одиннадцать. Передача «Спокойной ночи, малыши» уже давным-давно закончилась, но ни для кого она не стала сигналом ко сну – потому что лето! Незабываемая атмосфера детства!

Мы с сестрой шагаем рядом с мамой, держа ее за руки. Отец идет немного впереди. Огонек его сигареты выписыва-

ет в темноте причудливые узоры. Все молчат, каждый думает о своем. Я поднимаю голову к небу и вижу над нами красивый звездный ковш. Я узнаю – это Большая Медведица. Не так давно мы оказались с отцом в одной деревне – ездили по его работе, и папа показал мне это созвездие. Я тогда никак не мог взять в толк, почему этот ковш называют Большая Медведица? Ковш есть ковш. Медведица и есть медведица. Моим детским умом не получилось связать эти понятия воедино. Может быть сейчас попробовать разобраться...

Мама неожиданно нарушает тишину:

– Вчера по «Москве» показывали передачу. Там корреспондент ходил по улицам нашей столицы и задавал детям интересные вопросы. Например, он спросил одного мальчика, какие в мире существуют проблемы. Мальчик очень уверенно ответил про угрозы ядерной войны и проблему безработных Америки. Очень умный мальчик. А ведь он, судя по всему, ваш ровесник. А вот вы, например, можете назвать какие-нибудь мировые проблемы?

Мировые проблемы?!

Вопрос мгновенно поставил меня в тупик. Мне кажется, что из всего сказанного мамой, я не понял ни единого слова. Я бросил украдкой взгляд на сестру, ожидая, что она уж точно сможет ответить маме. Она перешла в четвертый класс с отличием, а я же закончил лишь первый класс хорошистом. Ей школа давалась легко, а у меня с учебой возникали трудности: тетради я вел небрежно, делал бесконечные помарки,

писал как курица лапой, на уроках витал в облаках, так что Раисе Игнатьевне, нашей учительнице, то и дело приходилось спускать меня на землю. А потому сейчас, когда мама задала нам вопрос, я надеялся только на сестру.

Нелля, немного запинаясь, начала неуверенно что-то говорить:

– Ну, мировые проблемы... я знаю такие... как, например, животные... ну, которые занесены в Красную Книгу, они... ну, в общем, они, умирают. Их охотники убивают...

– Молодец, доча! Умница! – похвалила мама сестру и повернулась ко мне. – Сынок, а ты какие мировые проблемы можешь назвать?

Я иду молча, не в состоянии ответить на мамин вопрос, потому что даже не знаю значения слова «проблема». По каким-то далеким признакам оно напоминает мне слова «таблетка» и «продленка». И на этом все.

– Томик, ну ответь, пожалуйста, какие ты знаешь мировые проблемы?

Понимая, что отмолчаться не получится, отвечаю честно:

– Мама, а что вообще значит слово «проблема»? Я же не знаю!

– Правда? Ну... Проблема... как бы тебе объяснить? – было похоже, что я серьезно маму озаботил. Как же объяснить восьмилетнему мальчику, что такое проблема? – Ну, знаешь, наверное, хм... это когда, когда трудно найти решение.

От ее слов мне явно не стало легче, но, хотя бы, чуть-чуть

понятнее, однако я продолжаю смущаться от заданного вопроса:

– Ну, подумай, сынок, ты же умный мальчик. Какие мировые проблемы нам известны?

Еще раз она скажет это слово, и я точно сойду с ума. Хочется исчезнуть или проснуться, обрадоваться, что это был всего лишь сон...

Какое счастье, что мама деликатно переключилась с меня на сестру! Они принялись обсуждать тему исчезновения редких животных. Я вздохнул с облегчением и продолжил путь. Проблемы... Проблемы... Проблемы. Даже не хочу думать об этом. Не хочу...

... а вот, например, почему созвездие, похожее на ковш зовут Большой Медведицей? Вот, так и надо было ответить маме! Ковш и Большая Медведица – это проблема? Я же не могу найти решения?

Меня так и подмывало заявить маме, что я знаю одну такую мировую проблему, но внезапно стушевался, вдруг меня не так поймут. Мама скажет: «Ну, какая, сынок, это проблема?» А сестра громко засмеется: «Ха-ха! Вот придумал тоже мировую проблему!» Уж лучше промолчу. Скоро будем дома. И, вообще, пора спать. Я протяжно и звучно зевнул.

– Ну что, детки, устали уже? Папа! – окликнула мама отца, – Может, возьмешь сына на руки, а то он уже засыпает.

– Ничего, дойдет, три минуты осталось, – как всегда, не сюсюкаясь, отрезал отец и бросил окурок в темноту. – Да уж,

проблемы! – как-то очень грустно и задумчиво проговорил он.

Прекрасно вернуться домой и с наслаждением нежиться в уютной кровати, рассматривая в полудреме орнаментную вязь на ковре, и заснуть с глубоким осознанием, что у меня – ребенка – в жизни нет никаких проблем...

* * *

В моей памяти часто всплывает этот милый сердцу эпизод. С годами я стал больше понимать, что беззаботное детство кончается тогда, когда приходит осознание, что в жизни все-таки есть проблемы. Однако прожив на земле почти полвека, я сделал важное наблюдение. Каждый вечер, когда я добираюсь домой, проведя целый день в трудах и заботах, в решении проблем: своих и чужих, то наслаждаюсь семейным общением за ужином. Я молюсь вместе с малышами на сон грядущий, и когда уже смыкаются мои уставшие веки, то засыпая, чувствую удивительную легкость, будто в жизни и не существует проблем. Хотя завершать свой – полный заботами день – с такими мыслями... это всего лишь мое решение!

Крылья

Я из числа тех людей, которые никогда не были отличниками. Ни разу в жизни! Даже в первом классе! Вроде бы что-то из школьной программы у меня получалось неплохо. Ну, например, чтение – придя в первый класс, я уже мог довольно бегло читать. Легко запоминал разные стихи. Но письмо откровенно хромало. Чистописание никак мне не давалось. Оттуда все и пошло-поехало. Как бы я ни старался, всегда в моих работах обнаруживался изъян. И любой школьный предмет становился для меня еще одним поводом почувствовать себя неудачником. Даже урок рисования поначалу вызывал у меня большой интерес. Но из-за того, что все мои шедевры выглядели некрасивой мазней, я стал охладевать к предмету. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы в четвертом классе не случилась одна забавная история.

После летних каникул учительница рисования дала нам традиционное домашнее задание – нарисовать композицию на тему: «Как я провел это лето». Вдоволь нагулявшись после школы, я пришел домой и засел за уроки. Приготовил альбом, разложил на столе все необходимое для рисования – в этом у нас с сестрой не было дефицита. Мой дедушка работал художником-монументалистом и общался в кругах известных алма-атинских художников. Поэтому у нас всегда имелись хорошие акварельные краски ленинградского про-

изводства и потрясающие, страшно дорогие, кисти из ворса соболя и даже колонка.

Я налил воду в специальный стаканчик, настроил свет лампы, раскрыл альбом, пальцами потеревил кончик кисти, стараясь включить все свое воображение – но на ум ничего не приходило. Моей сестре везло – у нее был талант к рисованию. Из-под ее кисти всякий раз выходили шедевры, а мне никогда не удавалось создать ничего стоящего. К моему счастью в комнате появилась мама. Она словно чувствовала, что я никак не могу решиться приступить к «домашке». Заглядывая мне через плечо, мама спросила:

– Сынок, что ты собрался рисовать?

– Пока не знаю. Надо про то, как я провел лето. А я не знаю, что именно подойдет.

– Ну, вспоминай! Вот папа брал тебя с собой в командировку. Вы же там куда-то на озеро ходили, рыбачили. Что-нибудь интересное про рыбалку попробуй нарисовать.

– А, точно! Знаешь, там был очень смешной случай. Мы с папой сидели в камышах с удочками. Ловили рыбку и складывали в ведро позади нас. Поймали несколько штук, и я решил их посчитать. Рыб в ведре было шесть. Потом я поймал еще одну красивую рыбку, а папа вытащил большого леща и дал его мне, чтобы положить в ведро. Я медленно запустил его к другим рыбкам, потому что он был большой, и еще раз пересчитал, но рыб в ведре было по-прежнему шесть.

– А куда же они делись? Выпрыгнули?

– Я так и подумал. Но на земле их нигде не было. Мы с папой предположили, что кто-то ворует наших рыб, потому что когда поймали еще несколько, то опять не досчитались.

– И что дальше?

– Я сказал папе, спрячусь за дерево и стану следить за ведром. Не прошло и несколько минут, как я увидел змею. Она выползла из травы, влезла на ведро, схватил ртом рыбу, и быстро исчезла в камышах. Я крикнул папе, что нашел воришку. Оказалось, что это уж. Мы вместе с папой стали смеяться. А чтобы не допустить повторной кражи поставили ведро рядом с собой. Вот такая история была!

– Очень забавно, сынок! Давай, нарисуй про это картину!

– Хорошо, я попробую.

Я взял карандаш и попытался сделать набросок. Ведро с рыбой и хитрый змей вышли неплохо, а вот изобразить папу и себя, не получалось. Я тер ластиком уже третий раз лист бумаги, когда из кухни вернулась мама.

– Ну, как дела? Получается?

– Пока только камыши смог хорошо нарисовать.

– Давай-ка я немного тебе помогу!

Я хотел уступить маме стул. Но она отказалась и стала делать наброски карандашом, просто склонившись над столом. Через пару минут на листе появились две фигуры, в которых легко угадывались папа и я. Папа сидел на маленьком стуле с удочкой, а я стоял у дерева.

– Вот так это было? Смотри! Похоже?

– Да, точно так и было!

– Ну, а остальное у тебя неплохо получилось. Давай. Бери кисти и начинай рисовать красками!

У меня ушло около часа, прежде чем я позвал маму. Она подошла, улыбнулась и сказала:

– Ну, в общем, неплохо, нужно немного подправить. Дай, я сяду и подрисую кое-что.

Не знаю, что ей там понравилось. Лично я не был доволен, поэтому решил пойти на кухню, съесть пару пирожков и запить вишневым компотом. Пока мама корпела над моим шедевром, я наблюдал, как за окном идет дождь. С нашего четвертого этажа открывался прекрасный обзор – в темноте были видны капли, летящие под фонарем. Вернувшись в зал, я оценил, как преобразился рисунок.

– Ну, как тебе, нравится?

– Здорово, мама! Залюбуешься! Ты настоящий художник!

– Вот если бы мы рисунок нашей Нелли доверили, еще лучше бы получилось. Жаль, что она у бабушки заночевала, помогла бы тебе.

На следующий день я успел с утра нахватать «тройбанов» по русскому и математике и пришел на урок рисования. Учительница попросила приготовить к проверке домашнее задание. Все зашуршали альбомами. Она медленно обходила парту за партой, пока не остановилась возле меня – я обычно сидел на «камчатке». Бросив беглый взгляд на рисунок, она вдруг развернула альбом к себе, а затем взяла его в руки.

Не переставая разглядывать наше с мамой художество, она вернулась к своему столу, постояла немного в задумчивости и, взглянув на меня, спросила:

– Томасов, это ты сам?

– Да, я сам!

– Очень хорошо! Я ставлю тебе пятерку с плюсом, а твою работу забираю на школьную выставку.

Господи, ну зачем я в тот день солгал учительнице? Вернее, сказал ей полуправду. Что мешало мне признать, что рисовал я не один?! Ведь моя была только идея, а помогла сделать рисунок красивым именно мама. Почему я постеснялся сказать все, как есть?

– Кстати! – продолжила учительница. – На базе нашей школы открывается филиал городской художественной школы, туда будут отбирать способных детей. Хочу порекомендовать тебя, как талантливого ученика.

Я смущенно улыбнулся и кивнул в знак согласия. Уже через неделю меня зачислили в первую группу художественной школы. Так началась моя ежедневная учеба.

В «художке» было все: рисунок, натюрморт, живопись, скульптура, история искусств, пленэр. По окончании положенных часов проводилась выставка работ. В нашей группе было тридцать учащихся. Значит, обычно все тридцать работ принимали участие в выставке. В студии, где обычно мы работали, вдоль стены по периметру была сделана специальная полочка. На ней наш учитель по ИЗО поочеред-

но расставлял картины. Первой в ряду всегда оказывалась самая лучшая работа. Для нас звучало пояснение, почему учитель находит ту или иную картину лучшей. Затем рядом с ней он ставил следующую работу и рассказывал, в чем она уступает предыдущей. Потом награждал комментариями еще несколько картин, а после молча выставлял оставшиеся. Кто-то из вас может себе представить, что на протяжении почти трех лет мои работы всегда стояли в числе последних на этой «галерее позора»?

Первое время я ощущал дикое неудобство, когда преподаватель вертел мою работу в руках и нехотя ставил в самый конец выставки. Постепенно я свыкся с мыслью, что по-другому быть не может. Это моя судьба. Я рожден быть самым худшим! Надо просто смириться, ничего другого не ждать. Быть последним – это нормально. Ты как бы всегда самый первый, но только с конца. А что, весело же?!

Каждый раз после очередной унижительной выставки я задавался вопросом: «А что же я тут делаю? Это не мое. Зачем я тогда соврал, что картина с рыбаками – это моих рук дело? Что же я натворил?» У меня возник план: бросить «художку». Дотяну до конца года, а после каникул – в сентябре уже больше не появлюсь в ней. Я был настроен решительно. Но произошел случай, сильно изменивший мое представление о себе самом.

Дело было так. Преподаватель собрал нас и объявил очередное задание: композиция. Он попросил нас создать худо-

жественное произведение на свободную тему. Мы должны подобрать необычный сюжет для работы, используя только фантазию. Картину нужно было написать акварелью в течение двух недель.

Привыкший к самому худшему, я сел за свой этюдник и начал смотреть на пустой лист бумаги. Зачем мне это нужно? Чтобы все опять посмеялись над моей картиной, занимающей последнее место? Внутри происходила борьба. В сердце созревала протест и несогласие – бунт против всего того, что происходило все эти три года со мной. И в этом шквале чувств, я удивительным образом вдруг ощутил прилив вдохновения – впервые в жизни мне так сильно захотелось творить!

Тотчас в моем воображении возник образ человека, который прикрепил к своим рукам самодельные крылья и безрассудно бросился с колокольни вниз.

Ярко сверкают золотые купола с крестами, у подножья храма стоит толпа зевак, задрав головы, а мой персонаж с крыльями застыл нелепо в воздухе, пытаюсь воспарить над земной суетой. Образ так сильно впечатлил меня, что я немедленно принялся набрасывать его эскиз карандашом. Учитель обходил класс и в порядке очереди заглянул в мой этюдник. Постоял минуту, держась правой рукой за подбородок, произнес «хм» и пошел дальше. Вскоре мой сюжет приобрел более ясные очертания, и учитель стал подолгу задерживаться возле меня со словами: «Интересно, интересно». А однажды, к концу урока, когда я принялся за краски, учитель дал мне пару советов. На мою работу стали посматривать ученики. В их глазах становился все заметнее живой интерес, а не вялое любопытство. И вот, наконец-то, последнее занятие. Мой герой полностью готов, только чуть-чуть поработать над фоном.

Это задание по композиции считалось очень важным и на выставление работ пригласили родителей. Я переживал невероятное волнение. И, к несчастью, в день выставки заболел. Мама пошла без меня. Я остался дома, пил чай с медом и лимоном, принимал аспирин и не находил себе места, пока не вернулась мама. Я вышел навстречу к ней с растерянным видом – очень надеялся, что на этот раз моя работа окажется хотя бы предпоследней.

– Как дела, мама? Как все прошло?

Мама разулась, сняла плащ и, подойдя ко мне, крепко обняла, погладила по голове.

– Мама, ну что там, не мучай, скажи? 29-й или 28-й по счету?

– Сказать, какой?

– Ну, конечно, скажи, мама!

Мама пригнулась и посмотрела с улыбкой прямо мне в глаза.

– Твоя работа на первом месте! Самая лучшая картина!!!

– Что? Шутишь?!

– Нет, сынок, правда. Самая лучшая из всех – картина моего Томика! И учитель, и все родители в восторге. Много было хороших работ. Но все, даже дети, почему-то подолгу стояли возле твоей картины. Рассматривали, обсуждали. Представляешь?

– Нет, мама, не представляю. Так не бывает!

– Именно так все и было! Ты мой художник!!! У тебя необыкновенная картина, подобных ей, там не было – ни одной...

Новость меня смутила. Я как сейчас помню то, для меня совершенно незнакомое чувство какого-то успеха. Я ощутил как горят мои щеки – только представьте, что со мной было там, на выставке, не заболел я! – да я бы от смущения сквозь землю провалился, наверное.

Я точно знаю, чему я научился в тот день. Например, тому, что неожиданно для всех последние могут стать первы-

ми. А еще тому, что когда ты, не испытываешь радость от того, чем занимаешься, то вряд ли увидишь, как это радует других. А если чувствуешь вдохновение, твоя работа непременно подарит кому-то восторг.

Вскоре я оставил учебу в художественной школе, честно признавшись, наконец, самому себе, что у меня нет особых способностей к изобразительному искусству. Но и сегодня я с огромным удовольствием наблюдаю за тем, как вдохновенно и искусно творят на радость людям настоящие художники!

Случайные фрагменты памяти

* * *

Зима. Наша семья выехала на отдых в окрестности Медвежьего ущелья. Мы с сестрой, прихватив санки, влезли на пригорок и стали по очереди скатываться по узкой горной ложбинке. Веселые забавы были в разгаре. Я решил, вопреки отцовскому запрету, подняться на несколько метров выше по склону, чтобы проехать чуть дальше обычного – да еще и с ветерком!

Мне предстоял скоростной спуск! Я поправил кроличью шапку на голове, застегнул пуговицы на коротенькой шубе, чтобы снег не попал мне за пазуху, занял удобную позу в санях, ноги упер во внутренний изгиб полозьев, руками крепко ухватился за край сидения. Я готов! Зажмурил глаза, оттолкнулся и стремительно помчался вниз. Санки вмиг набрали скорость и стали неуправляемыми. Ветер свистел и отчаянно бил мне в лицо. Я испытал неописуемый восторг! Вот это да! Я счастлив, как никогда! Это же просто волшебный сон! Но вдруг...

Санки выскользнули из наезженной колеи, перелетели на соседнюю тропинку, и я на полном ходу врезался в стоящий

на пути могучий ствол тянь-шаньской ели. От удара меня резко выкинуло в сугроб – держись я не так крепко, то впечатался бы прямо в дерево.

Я открыл глаза и увидел, что сестра, папа, а следом и мама, испугано бегут ко мне. Я медленно поднялся, осмотрелся: руки, ноги целы, а вот на шубе не осталось ни одной пуговицы – от мощного удара их вырвало с корнем и разбросало по сторонам. Родные оказались рядом. Принялись ощупывать меня, пытаюсь убедиться, что со мной все хорошо. Я же, вместо слез и испуга, лишь безудержно смеялся от счастья: «Смотрите, смотрите, ни одной пуговицы не осталось! Как здорово, смотрите!»

* * *

Было мне лет десять. После уроков в школе, как всегда, я вышел погулять на улицу. Вдруг вижу: мимо меня по заснеженному двору медленно движется грузовой ЗИЛ. Большая удача! Рука так и потянулась к заднему бамперу грузовика. Я смело ухватился и заскользил ботинками по дороге. Проехал через весь двор. Решил отцепиться, но что это?! Руки выскользнули из теплых варежек. Оказывается, пока я катился, рукавички успели примерзнуть к холодному железу. Несколько минут я стоял в недоумении, наблюдая, как грузовик уносится вместе с моими любимыми коричневыми варежками, которые связала мама...

Мне одиннадцать лет. Вторая четверть учебного года. Пятница. Окончились уроки, и мы с одноклассниками возвращаемся домой из школы. На дорогу уходит вдвое больше времени, так как у нас накопились темы для разговора. Мы оживленно беседуем о телевизионной премьере, о симпатичной новенькой девчонке, появившейся в классе. Так веселой гурьбой мы и движемся в сторону дворов нашего микрорайона. Шумно перебиваем друг друга, вставляем острые шутки, смеемся на всю округу, а когда оказываемся возле угла родной четырехэтажки, то еще минут пять общаемся с друзьями – нам сложно разойтись по домам.

Парочка метров и я у подъезда. Самое время установить новый рекорд – есть у меня такой ритуал. Резким движением распахиваю дверь, срываюсь с места, бегу сломя голову вверх по лестнице, пока не услышу позади себя грохот. Дверь закрылась. Я сбавляю темп. Хм, сегодня я пробежал чуточку быстрее: результат – два с половиной лестничных пролета. Да я просто пуля!

Вот и родная дверь, обитая дешевым черным дерматином. Отбиваю звонком прерывистый ритм «Спартак – чемпион» и вслушиваюсь, как скрипят половицы под ногами бабушки. Пара оборотов ключа в замочной скважине и все – родные стены. Самое время по-настоящему расслабиться: забросить

подальше портфель, сменить надоевшую за неделю школьную форму на домашнюю одежду, прихватить с кухни пару горячих чебуреков и треугольный пакет молока из холодильника, расположиться на диване у телевизора, и в состоянии непередаваемого блаженства смотреть еженедельный выпуск, а точнее, пятничный повтор передачи «В гостях у сказки». И вновь ощутить, что жизнь – это сказка...

* * *

С утра июньское солнце настойчиво прорывалось сквозь тучи, обнадеживая детвору прекрасной погодой. К вечеру неожиданно грянул гром. Первые крупные капли дождя обрушились на землю. Но разве могла непогода испортить долгожданные школьные каникулы. Мы с друзьями забавлялись, наблюдая, как капли падают в уличную пыль, превращаясь в крупные шарики.

Дождь внезапно усилился. Нам ничего не остается, как ввалиться веселой гурьбой в ближайший подъезд, чтобы переждать ливень. Разразилась гроза. С бетонного козырька шумно срываются потоки воды. Дворовый арык вмиг наполнился до краев, и в этой бурлящей реке поплыли березовые сережки, сбитые с веток порывистым ветром. Непогода окончательно сломала планы – пора расходиться по домам.

Но не тут-то было! Подъезд очень даже неплохое место для общения. Наши звонкие голоса стали раздаваться все

громче и громче. Мы наперебой рассказывали друг другу сюжеты недавно прочитанных книг. Кто-то, вжившись в образ Шерлока Холмса или Чингачгука, артистично жестикулировал руками, забыв, что находится в подъезде жилого дома, а не в пещере необитаемого острова. Как и ожидалось, у жильцов не выдерживают нервы от непрерывного ребячьего галдежа. Наивреднейшая бабулька выглянула из-за двери и с возмущением прогнала нас на улицу под дождь. Но мы с радостными криками перебежали в соседний подъезд и продолжили общение.

Гроза стихала, а вместе с ней умолкли наши захватывающие истории. Дождь унялся. С улицы потянуло свежестью. Любопытство выманило нас во двор и в ближайшие несколько часов мы увлеклись игрой в «казаки-разбойники», «прятки», пока родители не стали звать нас протяжным «Домой!» и мы, разбежавшись по квартирам, ложимся спать, чтобы завтра вновь нырнуть с головой в прелести летних каникул!

Еще год-другой и мы превратимся в подростков. Как прежде не будем бегать до усталости во дворе – в наших неумелых руках окажутся гитары...

Закон дружбы

Когда мне приходится пройти пешком от дома до ближайшего супермаркета за срочными покупками, я пользуюсь узким тротуаром, что тянется вдоль улицы Навои. В жаркий день здесь стоит приятная прохлада от деревьев. Ветки смыкаются друг с другом и образуют подобие низкого свода арки, от которого в дождь приходится слегка пригибаться, чтобы не намочнуть. Пешеходную дорожку от проезжей части отделяет арык, традиционный для городов Средней Азии. Сегодня он полезен лишь во время сильных ливней, защищая улицы от потопления, а в годы моего детства он на протяжении целого лета орошал огороды. Машин в городе в то время было значительно меньше. А на улице Алишера Навои, ныне очень оживленной, вообще подолгу не проезжало ни одной. Поэтому бережки арыка не покрывало автомобильной гарью и пылью, как это бывает сегодня, и на всем протяжении канала росла свежая зеленая трава.

В начале лета 1983-го отец находился в командировке в одном из сел и вернулся оттуда с парочкой молодых барашков. На тот момент наша семья уже несколько лет жила в небольшом частном доме, так что среди хозяйственных построек во дворе нашлось место для животных. Нам с сестрами они так понравились, что, не раздумывая, мы окрестили их Яшкой и Бяшкой. Вскоре отец отдал Яшку кому-то, а мне

поручил ухаживать за Бяшкой. Каждый день я отправлялся на поиски сочной травы в окрестности, чтобы порадовать барашка. Животное росло быстро. Ему требовалось больше корма, а я уже не справлялся. Тогда мне пришла идея: вывести моего «подопечного» на пастбище. Нужно было только найти подходящую веревку. Я вспомнил, что еще недавно у нас жил породистый дог по кличке Рэм. К сожалению, и моему безутешному горю, пес пропал без вести, а ошейник с длинным поводком теперь лежит без дела в сарае.

Сколько мне труда стоило, чтобы застегнуть ошейник на упрямой бараньей шее. Ради этого пришлось «оседлать» Бяшку, зажав его между ног. Однако мне еще предстояло вытащить отчаянно упирающегося животного за калитку. Баран скользил копытцами по асфальту, сопротивлялся, но и я был настроен решительно – тащил его за кожаный поводок. Какое это было блаженство, когда я, наконец-то, привязал Бяшку за ствол ясеня у арыка с зеленой сочной травой, а сам уселся рядом. Минут сорок животное мирно паслось, но потом мне предстояло приложить немало усилий, чтобы вернуть его домой – Бяшка с явной неохотой покидал «злачные пажити». Ура! Мой долг на сегодня выполнен, теперь можно заняться и своими делами!

Удивительно, но на следующий день барашек уже не так сильно сопротивлялся, когда его повели на выпас, а я, наверное, выглядел, как заправский пастух. Я привязал Бяшку к дереву и уселся на край арыка, перекинув через него ноги

на другую сторону. Подо мной журчал прохладный ручей, сверху нависала крона ясеня, надежно укрывающая от летней жары, а в руках у меня была интереснейшая книга. Перед тем, как отправиться пасти барана, я прихватил с книжной полки рассказы Джека Лондона – в то время был очень популярен «четырёхтомник» этого американского писателя.

Бяшка аппетитно поглощал траву, я с жадностью проглатывал страницу за страницей приключенческих рассказов. Несмотря на дневной зной, в моем воображении живо возникали образы снежной Аляски с ее свирепыми волками, озлобленными от холода и голода. Я переносился в мир золотодобытчиков Клондайка и Юкона, мастерски описанных Лондоном.

Увлеченный книгой, я и не заметил, как прошло два часа. Баран вдоволь напασся. Я оторвался от чтения и, обращаясь к «подопечному», произнес: «Ну, что, Бяшка, пойдем домой?» Только я отвязал от дерева поводок и твердым голосом скомандовал: «Домой!», как барашек тут же засеменял в сторону калитки, словно был высоко дрессированной собакой. Так стало продолжаться каждый день, за исключением дождливого времени, когда Бяшка вынужденно находился дома. Соседям и случайным прохожим было умирительно наблюдать за подростком, который в течение лета водит к арыку на выпас симпатичного барашка на коротком поводке. Весело, почти вприпрыжку, под бойкие команды «рядом», животное сопровождало юного пастушка. Там, под те-

нюю уютных крон, мальчишка замирал над очередным томом Лондона на пару часов, а баран аппетитно щипал траву, пока не раздавался задорный голос пастыря: «Бяшка, домой!» Упитанный барашек, весело виляя курдюком, мчался галопом к заветной калитке. Бывало, потехи ради, подросток кричал: «Бяшка, ко мне!» и был счастлив увидеть, как баран послушно разворачивался, делая боковой занос, и бежал к хозяину.

Да, глядя на нас с Бяшкой, нельзя было не восхититься гармонии человека и природы!

Если бы я знал тогда, для какой такой важной цели откармливается мой барашек. Я даже не догадывался о будущем моего потучневшего от выпаса питомца. Я всецело был поглощен прочтением четырехтомника Джека Лондона и ни о чем другом не думал...

Мне запомнился один из его рассказов «Любовь к жизни». Это была история о том, как человек в одиночку пробирался через канадскую тундру. Он остался без пищи и воды, его нога была серьезно травмирована, а друг по имени Билл ушел вперед, бросив его на верную смерть. Герой произведения всеми силами боролся за жизнь. Он направился через материк к морю, надеясь найти людей, чтобы получить необходимую помощь. Во время своего нелегкого перехода он обнаружил на тропе свежие человеческие останки. По клочкам верхней одежды он догадался, что Билл стал добычей хищников.

Я читал этот эпизод с замиранием сердца. Меня терзали вопросы: как же поступит главный герой, ведь он был вынужден долго обходиться без еды, устоит ли он теперь перед искушением: броситься на белые кости предателя и утолить голод? Помню, как из страницы в страницу мое напряжение начало спадать, когда изголодавшийся бедняга, потерявший от долгого перехода человеческий облик, нашел в себе силы подавить инстинкт самосохранения. Он произнес: «Нет... я не буду обглаживать кости своего друга Билла... а Билл... он, скорее всего, не побрезговал бы моими». Развязка истории была еще впереди, но я испытывал восхищение от благородства этого человека. У меня даже возникло стойкое ощущение, что главное из книги я уже для себя взял. Сказанные слова безымянного героя засели мне в голову. Они звучали для меня, как какой-то важный закон, который я внезапно осознал. «Я никогда не стану есть своих друзей!» – провозглашал я, повторяя снова и снова, чтобы крепче утвердить для себя джеклондоновский «закон дружбы». «Я друзей не ем!»

Так прошло лето. Я дочитал все четыре тома Джека Лондона. Бяшка превратился в упитанного барана. Трава на улице Навои пожухла. И вот как-то утром в конце сентября папа сообщил, что в нашем доме пройдет поминальный обед в честь годовщины со дня смерти близкого родственника. Он взял острый нож и направился с друзьями в конец двора...

Я не мог поверить в то, что увидел. Отец хладнокровно

заколол моего дорогого Бяшку. Слезы застилали мои глаза. Лишь в это тягостное мгновение я осознал причину появления Бяшки в нашем доме. Так вот зачем все лето я прилежно пас его, позволяя щипать травку на самых лучших берегах нашего арыка! Но как же так?! Как это возможно?!

Сам не свой, я зашел в дом, пытаюсь укрыться в самой дальней комнате. Старшая сестра, как могла, пыталась со мной разделить утрату. Она утешала меня, сочувственно гладила по голове. Ей было легче пережить потерю, чем мне, потому что она была взрослее и жила интересами девчонок старших классов.

В два часа дня в доме начался поминальный обед. Позвали и меня. Я пришел за стол отрешенный и хотя сел на указанное мне место, продолжил оставаться безучастным к происходящему. Передо мной поставили тарелку с едой. Я нехотя зачерпнул похлебку и едва поднес ко рту, как меня осенила внезапная мысль, от которой из руки выпала ложка.

«Это же Бяшка! Здесь, в этой тарелке, мой бедный друг Бяшка!»

Меня затрясло, как от удара током. Резким движением я отодвинул от себя тарелку, и, насупившись, тихо произнес: «Я друзей не ем!» Встал из-за стола и быстро выбежал на улицу...

Тяжело было смириться с произошедшим. Всякий раз, когда я шел по тротуару, вдоль арыка, к горлу подкатывал комок, вспоминалось лето, проведенное с моим барашком. Хо-

дить под впечатлением от потери «друга» мне пришлось еще долго, пока однажды в моем воображении не всплыли образы из прочитанного рассказа «Любовь к жизни». Мне припомнился и Бяшка и та ненавистная тарелка с блюдом из свежей баранины. Внезапно, перефразировав слова героя Джека Лондона, я сказал сам себе: «Не знаю, как насчет Бяшки, но я бы не стал есть его кости!». В этот миг я очень живо представил бессовестного барана, который пытается насытиться моей плотью. Размышления так позабавили и повеселили меня, что я почувствовал облегчение – боль утраты ушла из моей души.

С тех пор прошло почти тридцать пять лет. Мы по-прежнему живем в том же доме. И вы не поверите, но летом, всякий раз проходя мимо зеленых бережков того самого арыка, на дне которого журчит чистая горная водичка, я вспоминаю Бяшку, Джека Лондона, и слышу внутри себя эти, ставшие важными на всю жизнь, слова: «Я друзей не ем!»

Суровая любовь

Я с детства восхищался старшей сестрой. Нелли появилась на свет раньше меня на два года. По характеру она была бойкой и смелой. Во дворе все знали, что у этой девчонки горячая кавказская кровь и с ней шутки плохи. Я на ее фоне выглядел хрупким, нежным застенчивым блондинчиком. Все кому не лень могли меня обидеть. Папа подолгу находился в командировках, мама на работе, а потому старшей сестре приходилось вступаться за меня. И делала она это бесстрашно. Завидев издали, что толпа мальчишек обступит меня со всех сторон, Нелли, угрожающе улюлюкая, мчалась на хулиганов, размахивая над головой скакалкой, как каким-нибудь лассо. При виде моей грозной спасительницы, обидчики кидались в рассыпную, не желая с ней связываться. Надо сказать, что и мне от Нельки дома нередко перепало тумачков.

Отец знал, насколько сильно мы отличаемся с сестрой по характеру. Ему, сыну горной Осетии хотелось видеть во мне не размазню, а маленького абрека. Поэтому он старался дер-

жаться со мной чрезмерно строго и сурово. Особенно мне доставалось, если папа брал меня с собой в длительную командировку. В таких поездках я неделями находился вдали от мамы, всегда проявляющей необычную нежность ко мне. Даже сестра не всегда оказывалась рядом – только папа и его беспощадные спартанские эксперименты надо мной.

Просыпаться приходилось чуть свет. Душ принимать на улице. За ночь вода остывала в нем настолько сильно, что после ледящих процедур, я дрожал как осенний лист. Мне хотелось домой к мамочке, чтобы она тепло укрыла, обогрела..., но папа – суровый воспитатель, невзирая на мои вопли и плач, гнал меня на свежий воздух, заставляя делать гимнастику и отрабатывать удары бокса. Ничто не могло разжалобить его сердце, и не было мне спасения.

Не уверен, что старания отца помогли мне, потому что я по-прежнему оставался таким же слабым, трусливым и уязвимым малышом. Папа никогда не хвалил меня, не говорил ободряющих слов. От него чаще сыпались претензии и упрёки. Поэтому я все меньше верил в себя и все больше считал, что являюсь для отца самым большим разочарованием. Окончательно разувериться в его любви мне не давал тот факт, что папа был хорошим кормильцем и всегда заботился о нашей семье. Я никогда не чувствовал себя беспризорником, был одет, обут, накормлен. Мне потребовалось время, чтобы осознать, что в силу различных причин папа просто не умеет в открытую проявлять нежность, как мама, но лю-

бит от этого не меньше. Вот один случай, который помог мне это понять.

Шел 1981 год. Отец с друзьями решили отправиться в недельный сплав на резиновых лодках по реке Или. В то время наша семья только переехала в частный дом в районе СМУ № 15, и у нас во дворе три дня кипели сборы. Взрослые проверяли взятые напрокат резиновые лодки: плотно накачивали их, оставляя на всю ночь, чтобы удостовериться, что они не подведут во время сплава. Кто-то чинил рыболовные снасти, закупал продукты, старательно готовил посуду к походу. Я тоже помогал взрослым и даже не рассчитывал, что меня могут взять с собой. Каково же было мое удивление, когда папа сообщил, что я вместе с его друзьями отправляюсь в путешествие! Вот это да!

Настал день отъезда. Мы погрузились в фургон ГАЗ-153 и отправились в путь. Приключение началось! Два часа езды, и мы на месте. Впервые в жизни я испытал невероятный восторг, оказавшись на берегу живописной реки Или. Но долго любоваться красотой мне не дали, нужно было готовиться к отплытию. Вскоре я оказался в персональной одноместной лодке и даже немного испугался, когда отец оттолкнул меня от берега: «Давай, сынок, вперед, смелее, я догоню!»

Течение тут же подхватило лодочку и стремительно понесло вниз. Я одновременно испытал восхищение и страх, ведь в свои одиннадцать лет даже не умел плавать. За считанные секунды я оказался в доброй сотне метров от отца – тот

только усаживался в свою лодку – кричать и звать его на помощь, бесполезно. Я напугался и до боли в ладонях сжал весла, пытаюсь хоть как-то ими управлять. Мое крошечное суденышко несло в неизвестность. Я даже не сразу обнаружил, что лодка отца уже настигла меня. Как я удивился, что папа невозмутимо плывет рядом и наслаждается потрясающими видами природы, наскальными рисунками, тянувшимися по правому берегу реки. Его присутствие успокоило меня.

Ближе к вечеру мы пристали к пологому берегу, вытащили лодки, принялись разбивать лагерь для ночевки. Пока я собирал дрова для костра, папа с друзьями растянули огромный тент, привязав его углы к деревьям. На ужин у нас были макароны с тушенкой и чай с запахом костра. От дневной усталости всех быстро потянуло ко сну. И тут я с удивлением обнаружил, что у нас нет ни одной палатки. Никого из мужиков не смущало, что на изломе августа, когда у реки бывает прохладно, всем предстоит спать под открытым небом – прямо в лодках. Настоящий экстрим!

Отец положил в лодку толстое одеяло вместо матраса и накрыл меня теплым пледом. Я лежал и смотрел в темное небо. Звезд не было видно, день еще с утра выдался ненастным. Хотелось спать, но вдруг возле правого уха раздался противный комариный писк. Я отмахнулся. Настырное насекомое не унималось. Комар принялся кружить возле уха левого. К его мерному писку добавилось еще парочка голосов, образуя гармоничное трио, а затем еще и еще, пока надо

мною не навис пугающий комариный гул. Все что мне оставалось делать – накрыться пледом с головой, чтобы кровососы не достали меня, через едва заметные щели. Заснул я с трудом. Поздно ночью меня разбудил сильный ветер. Изредка пролетали капли дождя. Холод пробирал все тело. Плед не спасал. Я лежал, съежившись, и думал только о том, как мне хочется оказаться дома в родной кровати. От чувства жалости к себе, чуть не выступили слезы...

И тут я услышал неподалеку от себя какой-то шорох. Это был папа. Он поднялся из своей лодки, подошел ко мне. Я притворился, что сплю. Отец осмотрелся, взял свое одеяло и накрыл меня им. Затем очень аккуратно, чтобы не разбудить, заботливо укутал мои ноги, подоткнув края одеяла к бортам лодки. Я продолжал изображать крепкий сон и в тот момент, когда папа наклонился, чтобы поправить сбившуюся подушку, я сквозь прищур разглядел в темноте его лицо – оно было полно невероятной нежности и необычной доброты. Впервые я видел отца таким – не сердитым и строгим, но любящим и заботливым.

Пока я лежал в изумлении от увиденного, папа принес большой кусок полиэтилена и сделал из него небольшое укрытие от дождя. Я наблюдал за выражением его лица, за каждым движением тела – все в его заботливых хлопотах говорило лишь об одном. О том, как сильно он меня любит, о том, что я ему бесконечно дорог!

В ту холодную ночь, на берегу реки, я впервые осознал,

какой может быть она – суровая отцовская любовь. Испытывая прилив неземного счастья, я уснул согретый этой любовью и уютно проспал до самого восхода солнца.

Джинсы

Я застал советский период – время Холодной войны. Никого не радовала растущая угроза империализма. Загнивающий капитализм являлся предметом шуток и нападок. В огромной стране, повсеместно, искренне и единодушно осуждался Запад...

Но, когда дело доходило до импортных вещей, всегда дефицитных в Союзе, то все признавали их высокое качество, в противовес отечественным изделиям. Уверен, что не нашлось бы ни одного человека, который бы не воспользовался возможностью натянуть на себя фирменную «джинсу» из-за границы. Ах, как же круто они смотрелись на любом счастливом обладателе заветных штанов! Самая заурядная девчонка в классе превращалась в привлекательную модницу, лишь только облачала себя в одежду из этого загадочного, просто волшебного материала.

Признаться честно, я завидовал ребятам, одетым в штаны, рубашки или куртки из джинсовой ткани. И если вдруг, по какому-то особому случаю, родители спрашивали, что бы мне хотелось получить в подарок, я незамедлительно отвечал: «джинсы!» Мама растеряно отводила глаза, пытаясь сохранить улыбку, но ее погрузневший взгляд говорил лишь одно: «да где ж мне их взять?» Папа радушно приветствовал мои запросы, потому что сам любил носить джинсовую

одежду. Он по-отечески спешил меня всячески ободрить... На деле же: купить желанную вещь было очень не просто, потому что детские джинсы стоили также дорого, как и взрослые. Оставалось довольствоваться так называемыми «советскими джинсами». По цене они были дешевые и смотрелись – дешево. Ужасный покрой. Нелепая безвкусица. Безобразное подобие джинсового материала. После первой же носки коленки позорно вытягивались и придавали ногам очень жалкий вид – убожество, да и только! Одни такие «джинсики» мама мне купила от безысходности. Я, не представляя скорых и печальных последствий, влез в обновку, а вечером возмущенно стянул их с себя. Обнаружив, как некрасиво они выглядят. Помню, я обиженно заявил, что никогда их больше не надену. Однако вскоре со мной приключилась непостоянная история.

Это было поздней весной 1983 года. Мама вернулась из магазина, излучая счастье и радость. В ее руках шелестела прозрачная упаковка, в которую что-то было завернуто. Я не поверил своим глазам: это были джинсы индийской фирмы «Milton's»! Конечно, джинсы были не самый шик, но, во всяком случае, лучше отечественных. Мама поспешно развернула покупку и подала их мне со словами:

– Сынок, это тебе, носи на здоровье.

– Что? Джинсы, «Milton's», как у моих одноклассников?

Ура! Здорово!

– Нравятся? Такие, как ты хотел?

– Ну конечно, нравятся, мама! Я так рад!

– А поцеловать?

– Подожди, дай я их вначале примерю.

Я быстро скинул с себя домашние трико и влез в совершенно новенькие, все еще с запахом магазина, синие джинсы. Они оказались сшитыми точно по мне.

– Спасибо, мамочка! – Я бросился к маме и расцеловал ее. – Такие классные джинсы! Ты даже не представляешь, как я мечтал о них!

– Ну и прекрасно! Ладно, сынок, снимай. Завтра после школы можешь погулять в них, а сейчас доделывай уроки и ложись спать.

Засыпал я с улыбкой на лице. Все мои повседневные неудачи, включая неуспеваемость в школе и ссоры с мальчишками из соседнего двора, потеряли всякую значимость – ведь теперь у меня есть джинсы! Настоящие! Завтра, наконец, я смогу почувствовать себя ковбоем! Утренний подъем мне дался легче обычного. Гимн Советского союза привычно заиграл в шесть часов, и едва донеслись его звуки из кухни, как я уже был готов вставать. Время в школе прошло незаметно – пять уроков как одно мгновение. Все дело – в джинсах! Сегодня мне предстоит их всем продемонстрировать!

Я спешил домой, чтобы пообедать и, не теряя времени, отправиться гулять. Пока наслаждался жареной картошкой, ел ее прямо со сковородки, продумывал предстоящий маршрут. Меня осенила идея: «Почему бы не прогуляться по аллеям

Дворца Культуры!» Неподалеку от нашего одиннадцатого микрорайона открылся современный Дворец Культуры Алма-Атинского хлопчатобумажного комбината (АХБК). Он много лет скрывался за высоким зеленым забором, пока строился, и теперь стал популярным местом отдыха для горожан. Новые тротуары, клумбы с розами и многочисленные скамейки ежедневно привлекали сотни людей. Туда я и отправился продемонстрировать свою обновку.

День, по меркам месяца мая, выдался знойным. Желание гулять быстро улетучилось, когда я увидел множество счастливых мальчишек и девчонок, резвящихся в бассейне с фонтанами у Дворца Культуры. Соблазн искупаться оказался слишком велик. Меняхватило на несколько минут. Я решился. Быстро разулся. Стащил с себя плотно обтягивающие джинсы, аккуратно пристроил на бортик бассейна. Под них сунул сандалии, а сверху накрыл вещи снятой рубашкой. Предвкушая счастье, прыгнул в бассейн «солдатиком» и проплыл под водой до противоположного края. Вынырнул, набрал воздуха и тут же вернулся назад. Подтянулся на руках... и увидел только рубашку и сандалии. Мои новые, долгожданные и уже полюбившиеся джинсы исчезли...

Я не поверил и пулей вылетел из воды. Принялся судорожно вертеться по сторонам, подозревая каждого человека, находящегося в пределах видимости, но вора уже и след простыл. Я не терял надежды, что кто-то из друзей просто решил подшутить надо мной и вот-вот вернет вещь обратно.

Напрасно. Моему горю не было предела. К тому же, помимо бесценной пропажи мне предстояло возвращаться домой в одних трусах. Дико разочарованный я сел на бортик бассейна, опустил между колен голову и безутешно заплакал, вытирая рубашкой слезы.

Внезапно кто-то тронул меня за плечо. Я вздрогнул. Это была Светка с моего подъезда. Она шла мимо и увидела меня ревущего. Я рассказал ей о пропаже. Светка выслушала мои горестные всхлипывания и предложила сходить ко мне домой и принести другие штаны. Я согласился ее подождать. Через полчаса Светка вернулась. К моему безбрежному горю добавилось еще одно – в руках моей спасительницы были те самые «советские джинсы», к которым я испытывал настоящее презрение. Конечно же, я огорчился, однако, пришлось смириться и плестись домой в ненавистных мне штанах.

Маму с работы я встретил весь в слезах.

– Что случилось, сынок?

– Украли... Мамочка, прости, их украли. Не ругай меня...

– Что, что случилось?

– Джинсы украли...

– Как? Новые джинсы? Их украли? Но как же так? Как это возможно?

– Не ругай меня, мама, прости...

– Да не ругаюсь я, давай-ка, скорее рассказывай!

Сквозь слезы я рассказал маме о своих злоключениях в подробностях. Она нежно обняла меня и сказала:

– Главное, что тебя никто не украл. Я бы этого не пережила. А джинсы... джинсы я постараюсь купить новые. Хорошо? Подождешь маленько?

– Да, мама, хорошо, конечно подожду! – ответил я, вытирая слезы. – Обязательно подожду!

А ждать заветных штанов мне пришлось целых два года. Не так-то просто было решиться нашей семье на такую дорогостоящую покупку. Но я был уверен, что родители горячо меня любят, независимо от того: ношу ли я импортную «джинсу», или щеголяю в неказистых «советских джинсах».

Урок

Учительница истории строго осмотрела учеников. Сдвинула очки в светло-коричневой оправе на самый кончик носа и, направив указку в мою сторону, громко произнесла: «Перестань разговаривать, не отвлекайся!» Я виновато потупил взгляд, стыдливо подняв глаза на преподавателя. Хотелось, чтобы уголки ее губ дрогнули и, с трудом сдерживая улыбку, она выдала свое благорасположение ко мне. Ничего не вышло. Поединок учителя и безнадёжного троечника закончился не в пользу последнего. Без вариантов. Остается одно – смириться и начать вникать в суть предмета, но я нахожу его скучным.

Что же это за жизнь такая? Ну, сколько это будет еще продолжаться? Зачем мне эта новейшая история? К чему мне Первый и Второй Интернационал, вместе взятые, а с ними и «Апрельские тезисы» Ленина? Чувство вселенской несправедливости до краев переполнило меня. Не в силах сдерживать внутреннее напряжение, я решаюсь саботировать урок. Открываю тетрадь в клетку, вырываю из середины двойной листок и шариковой ручкой старательно вывожу на нем – буква за буквой: «ДОЛОЙ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО», перехожу ниже – «ВСЯ ВЛАСТЬ – СОВЕТАМ». Полученную надпись закрашиваю красной пастой. Готово!

Трусовато оглядываюсь по сторонам и тайком от учителя поднимаю «плакат» над головой. Весь класс взрывается от хохота, когда я принимаюсь забавно скандировать лозунги. «Тише, ребята, тише!» – взгляд педагога мечется, желая, во что бы то ни стало, найти дерзкого виновника беспорядка. Ох, кому-то сейчас попадет за сорванный урок!

Учительница резко рассекла воздух указкой, громко ударив ей по столу:

– Ну, хватит, мальчики, хватит уже!

Гул тут же стих. Мы всматриваемся в строгое лицо преподавателя, замечая, что в ее вынужденном жесте нет никакой злобы, а только желание вернуть урок в прежнее русло.

– Верхи не могут, низы не хотят. – как ни в чем не бывало продолжает учитель. – Это называется «Революционная ситуация»...

Я удивляюсь: откуда же в ней столько терпения, любви и уважения к ученикам, что изо дня в день треплют ей нервы всеми возможными способами?! Через пять минут раздается долгожданный звонок. Урок закончен. Нас ждет большая перемена. Все спешат в столовую. Сладкий чай, беляши, коржики по одиннадцать копеек – для нас это настоящий праздничный стол! Впереди урок химии – невероятно скучный. Чем же заняться? О, все, придумал, буду сочинять издевательские четверостишия про одноклассниц.

«Надеюсь, химичке не до меня сегодня», – наивно полагаю я, переступая порог ее класса, и оказываюсь не прав,

учителю сегодня очень и очень до меня. Значит, поэзия отменяется!

Какими бы трудными не были школьные уроки. Какие бы неудачи не постигали нас. Как бы не были строги и придирчивы учителя. С раннего утра и до последнего звонка утешало одно: после всех занятий нас ждет то, что поможет отвести душу – музыкальный кружок! Этот удивительный и желанный мир, куда мы стремились попасть после уроков, зная, что там нас встретит руководитель школьного вокально-инструментального ансамбля. На его занятиях происходит невероятное, так что каждая забота и тревога прошедшего дня вмиг забудется. Скрасятся переживания от плохо написанных контрольных работ и оценок за невыученные уроки.

Учителя – вы неутомимые труженики! Возможно, спустя много лет кто-то из учеников с трудом вспомнит ваше имя и отчество, а тем более сердечно поблагодарит за все, что вы для них сделали. Не отчаивайтесь! Ваш вклад в развитие учеников неоценим. Вы старались. Пусть Бог вам воздаст сторицей!

Быть или не быть

Думаю, что каждому из нас знакома противоречивость чувств, которые мы испытываем в момент сложного выбора. Приходится непросто, пока обдумываешь варианты решений, чтобы наконец-то определиться с одним единственным – правильным. Ради этого мечешься из стороны в сторону, ощущая внутри себя поединок добра и зла. Когда одного холодного рассудка недостаточно, в душевную борьбу подключается голос совести. И тут уж логические объяснения мало влияют на выбор – даже если рискуешь многим, по крайней мере, принимаешь решение как поступить. Я считаю, что свобода делать осознанный выбор является качеством, что характеризует нас как людей. Только человеку свойственно совершать поступки, предварительно сделав осознанное решение. И поэтому, собственно, он и есть Человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.